

В голове Хан Юэцина лопнула последняя струна самообладания. Этот взгляд Хан Сиэня, в котором сквозила откровенная насмешка, стал последней каплей. Стоило Юэцину вспомнить все обиды и унижения последних дней, как его глаза налились кровью.

В любые времена мир был полон угодников, что пресмыкаются перед сильными и топчут слабых.

Каким блистательным и беззаботным казался Хан Юэцин, когда только вернулся в столицу, и в какое жалкое, убогое существование превратилась его жизнь после ареста отца. Впрочем, в самом поместье его быт почти не изменился — под чутким присмотром старой госпожи его даже окружили еще большей заботой, и слуги не смели распускать языки в его присутствии.

Но те избалованные сынки столичной знати, с которыми его когда-то свел старший брат, теперь знаться с ним не желали. Стоило Юэцину столкнуться с ними на улице, как в лучшем случае его просто не замечали. В худшем — прямо в лицо кололи тем, что его отец гниет в тюрьме.

Когда Юэцин услышал это впервые, он с кулаками бросился на обидчика. Но не успел и замахнуться, как его скрутили и прижали к земле. Тот щеголь посмотрел на него сверху вниз и презрительно рассмеялся: мол, жалкий сын преступника, а еще смеет распускать руки.

Именно тогда Хан Юэцин впервые отчетливо осознал положение своей семьи. Поместье герцога Хань вовсе им не принадлежало. Они были лишь третьей ветвью клана, приживалами, которых терпели под этой крышей, но не хозяевами.

Арест отца бросил тень на доброе имя дома Хань, но не мог пошатнуть его устои — старший дядя по-прежнему оставался герцогом. В глазах столичного общества третья ветвь стояла особняком, и их позор не распространился на все величие герцогского титула.

Даже его родная сестра лишилась надежд на достойный брак — теперь приличные семьи обходили их стороной. Юэцин был убежден: во всех несчастьях виноват один лишь Хан Сиэнь. Этот никчемный калека, вечно дышащий на ладан, незаслуженно владел титулом наследника! Пусть он годами не показывался на людях, пусть одной ногой стоял в могиле — стоило ему явиться свету, как все вокруг склонялись перед ним, видя в нем будущего главу великого дома.

А кто такие они по сравнению с ним? Жалкие нахлебники, которые держатся здесь только благодаря слепой любви старой госпожи. Стоит старой госпоже уйти в мир иной, и они превратятся в безродную родню осужденного преступника.

При мысли о грядущем Юэцин то и дело просыпался посреди ночи в холодном поту. Сердце его сжимала глухая, ядовитая злоба: не будь Сиэня, он по-прежнему оставался бы знатным господином, перед которым лебезили бы сверстники. Теперь же все пошло прахом.

Он сам, его отец, мать и сестра — вся их жизнь была разрушена из-за одного-единственного

человека.

Эта бешеная, кипящая ненависть, которую Хан Сиэнь отчетливо читал в мыслях кузена, не вызывала у него ничего, кроме равнодушия. Юэцин упивался своей обидой, считая себя самой несчастной жертвой на свете. Но Сиэнь прекрасно знал: те несчастные, что пострадали от рук его отца, Хана Пина, заслуживали куда большего сострадания.

Чтобы нагреть руки на казенном серебре, чиновнику неизбежно приходится сделка за сделкой идти против совести. Разве Хан Пин мало вынес несправедливых приговоров, калеча людские судьбы в угоду взяткам? Обездоленные им люди питали к нему ничуть не меньшую ненависть.

Впрочем, своя рубашка всегда ближе к телу, и мало кто способен примерить чужую беду на себя. Чужое горе редко кого трогает по-настоящему.

Сиэнь не собирался выслушивать глупости, роившиеся в голове кузена. Не дожидаясь, пока тот откроет рот, он повернулся к герцогу Хан Чжо. В его голосе прозвучало неприкрытое злорадство:

— Третьего дядю схватили вовсе не из-за казнокрадства. Похоже, в нашем доме до сих пор не понимают, какая гроза над ними собирается. Что же, могу поделиться новостями. Самый тяжкий грех, который совершил дядя в Цзяннани, — это не взятки. Вместе со своей тайной сожительницей он ввязался в дело о незаконной добыче золота в деревне Фулу и умышленном убийстве.

О золотом руднике Сиэнь доложил императору сразу же после поимки генерал-губернатора Чжоу Мааня. В столице гремели слухи о самоуправстве чиновника, но никто и помыслить не мог, что к этому причастен Хан Пин. Семья Хань оставалась в неведении лишь потому, что Сиэнь, едва схватив дядю, мгновенно перекрыл ему всякую связь с внешним миром.

Слова Сиэня заставили Хан Чжо и Хан Шу похолодеть. Конечно, рудник находился на землях, подвластных третьему брату, но герцог был уверен: Хан Пин не посмел бы втайне затеять столь опасную игру, зная, что на кону стоит жизнь всего клана. Хан Чжо уже продумал, как выставить брата невинной жертвой обстоятельств и выгородить перед престолом.

Однако теперь, услышав страшную правду из уст племянника, герцог лишился дара речи.

Герцогское поместье Хань приходилось родней пятому принцу Цзи Хуаю по материнской линии. Если император поверит, что Хан Пин причастен к добыче золота, тень неминуемо падет на весь их род. А это значило, что и положение принца во дворце пошатнется самым плачевным образом.

С годами старый владыка становился все более подозрительным и люто ненавидел каждого, кто смел зариться на его трон. Хан Чжо нахмурился, и в его душе вспыхнуло глухое раздражение против Сиэня, который своим неумным рвением вставил им палки в колеса.

Не прояви этот паршивец излишней прыти, они смогли бы замять дело и прибрать часть золота к рукам. Теперь же вместо легкой наживы перед ними стояла непосильная задача — как отвести гнев государя от пятого принца.

Госпожа Вэнь, Хан Юэцин и Хан Цинюань зацепились совсем за другое — за упоминание тайной сожительницы.

Госпожа Вэнь округлила глаза и, сделав шаг вперед, выпалила:

— Быть того не может! Если господину и нравилась какая-то женщина, он всегда открыто вводил ее в дом как наложницу! С чего бы ему прятать кого-то на стороне?!

Хан Цинсюэ стояла бледная как полотно, ошеломленная этим известием. Помимо ее матери, у отца, конечно, водились наложницы, но он никогда не выделял их особо. Те вели себя тише воды, ниже травы и выказывали госпоже Вэнь глубочайшее почтение, даже не помышляя нарушить заведенный порядок.

Она привыкла презирать этих бесправных женщин и в упор не замечала единокровных братьев и сестер от наложниц. Новость о том, что у отца была полноценная, скрытая от всех любовница, окончательно выбила почву у нее из-под ног.

Сиэнь окидал ее равнодушным взглядом и лениво обронил:

— Правда это или ложь — выяснится на суде. Впрочем, государь более всего не терпит мздоимцев. Если кто-то из вас недоволен следствием, можете кричать об этом на каждом углу. Когда ваши вопли долетят до ушей его величества, это лишь ускорит казнь третьего дяди. Считайте, избавите его от лишних мучений.

Хан Юэцин густо покраснел от злости. Он открыл было рот, собираясь возразить, но у Сиэня не осталось ни сил, ни желания тратить на него время. Долгая поездка на юг окончательно истощила его и без того хрупкое здоровье, и сейчас он мечтал лишь об одном — добраться до постели. Растрачивать остатки сил на неблагодарных глупцов, которые не способны осознать собственные грехи, Сиэнь не собирался.

В конце концов, гнев императора страшил кого угодно, но только не его.

Сиэнь давно привык поступать так, как ему вздумается. На его лице не отразилось ни единой эмоции. Бросив лаконичное «я пойду отдыхать», он развернулся и зашагал прочь, оставив за спиной багрового от ярости дядю Хан Шу, который едва сдерживался, чтобы не закричать ему вслед проклятия.

Когда Хан Сиэнь вернулся в Дворик Душистых Орхидей, его взору предстала безупречная чистота. Порядок здесь поддерживала оставленная им служанка Чэнь Сян, однако главным образом это была заслуга Хан Минчжу.

После отъезда молодого господина Чэнь Сян поплакалась старой госпоже на то, что не заслужила доверия наследника, а затем тихо затворилась в усадьбе, стараясь лишней раз не попадаться никому на глаза. Во всем поместье мало кто заботился о жилище Сиэня, однако Хан Минчжу без лишних колебаний отправляла своих служанок убирать там каждый день. В оправдание своей заботы она даже преподнесла приболевшей старой госпоже собственноручно переписанный буддийский канон.

Впрочем, Минчжу часто бывала во дворе, так что этот труд занял у нее далеко не один день.

Стоило Сиэню переступить порог, как Чэнь Сян тут же отложила все дела и поспешила засвидетельствовать свое почтение. Би Хуа, Юнь Чжи и Ло Ся также почтительно поклонились молодому господину.

Во время поездки в Цзяннань многие принимали этих троих за личных наложниц наследника — ведь каждая из девушек обладала редкой, по-своему пленительной красотой.

Однако Сиэнь, хоть и взял их с собой, ни разу не потребовал от них согреть его постель, держась отчужденно. Окружающие лишь недоумевали, гадая, какие цели преследует молодой господин.

Лишь сами служанки понимали: в глазах Сиэня они оставались самыми обычными служанками, а увезли их из столицы лишь ради того, чтобы спасти им жизни.

Жестом велел им подняться, Сиэнь внимательно посмотрел на Чэнь Сян. На лице девушки застыло выражение глубокого почтения. Она была прислана из покоев старой госпожи, но отличалась редким умом и умением приспосабливаться к обстоятельствам. Быстро уяснив, что характер молодого господина далек от обычного, она вела себя тише воды и даже помыслить не смела о предательстве.

В отсутствие Сиэня старая госпожа почти позабыла о своей шпионке, и Чэнь Сян пришлось сполна испытать чашу унижений от других слуг усадьбы, которые не упускали случая уколоть ее или подставить подножку. Но, на удивление, эти невзгоды не пошатнули ее верность.

Пока Сиэнь в глубоком молчании разглядывал Чэнь Сян, сообразительная Би Хуа бесшумно выскользнула из комнаты и вернулась с тазом теплой воды, чтобы хозяин мог омыть лицо с дороги.

Омыв руки и вытирая их мягким полотенцем, Сиэнь небрежно бросил:

— Вы трое слишком долго побыли со мной на юге и отстали от здешних дел. Ближайшие дни ухаживать за мной будет Чэнь Сян. Би Хуа, обучи ее моим порядкам.

С этими словами он направился напрямик в спальню. Слабое здоровье требовало бережного отношения, и три месяца домашнего ареста, наложенного императором, Сиэнь намеревался провести в полнейшем покое.

Решение господина вызвало немалое смятение среди служанок. Если не считать прежнюю любимицу Тао Яо, Чэнь Сян после своего появления в Дворике Душистых Орхидей держалась скромно и незаметно. Все привыкли считать Би Хуа главной служанкой усадьбы.

И то, что Сиэнь внезапно выделил Чэнь Сян, показалось остальным тревожным знаком.

Юнь Чжи и Ло Ся обменялись быстрыми взглядами. Обе заподозрили, что Би Хуа чем-то прогневала наследника. Пусть тот и не наложил на нее кару, но решение приблизить Чэнь Сян явно указывало на утрату доверия.

В отличие от растерянных подруг и самой Чэнь Сян, которая едва сдерживала бурю из изумления и радости, Би Хуа сохранила полнейшее хладнокровие. Она мягко улыбнулась новой фаворитке и спокойно произнесла:

— Прислуживать молодому господину несложно, главное — беспрекословно потакать его желаниям. Поменьше болтай, никогда не расспрашивай о его делах. Ночами дежурить у его постели не нужно, и старайся не прикасаться к нему без крайней надобности. Вот, пожалуй, и все премудрости.

Чэнь Сян и сама знала эти правила. Подавив волнение, она сдержанно кивнула. Девушка понятия не имела, почему наследник вдруг сменил гнев на милость, но отчетливо понимала: этот шанс упускать нельзя, иначе она до конца дней останется на задворках.

В течение полумесяца после возвращения Сиэня в поместье герцога не утихала суета. Старая госпожа, которая сама себя лишила покоя, вынужденно раскошелившись ради ненавистного внука, теперь изнывала от злобы. Известия о крахе Хана Пина окончательно подкосили ее: старуху терзали мигрени, боли в груди и бессонница, из-за чего весь дом стоял на ушах, не зная отдыха.

Один лишь Сиэнь оставался безмятежен. Свободный от всяких забот, он наслаждался легкой жизнью, отменным аппетитом и крепким сном.

Этой ночью Сиэнь, как обычно, рано отошел ко сну. Однако в самый глухой час он внезапно распахнул глаза и сел на постели. В темноте у самого изголовья высилась безмолвная фигура в черном одеянии. Из-под темной маски на него в упор смотрели холодные, внимательные глаза.

<http://bllate.org/book/20088/2002026>